

«БЫЛО ГОЛОДНО И ХОЛОДНО»

Отрывок из воспоминаний жительницы
Коммунара Сердюченко Антонины Александровны
БЫЛА БЛОКАДА»

В январе 1941 года (мне не было еще и 17 лет) я поступила на фабрику «Коммунар» в цех ширпотреба, где делали блокнотики, 22 июня 1941 года в 12 часов по радио выступил Молотов. В этот день на стадионе около старой бани шел футбольный матч. День был прекрасный, весело, много смеха, и вдруг — слезы, плач.

Началась Великая Отечественная война. В августе 1941 года я была уволена с фабрики в связи с эвакуацией. Все жители поселка были эвакуированы, всех на машинах отвезли в Ленинград. Кто-то сразу же был вывезен из Ленинграда, а кого не успели, разместили по школам. В поселке осталось очень мало людей. Я была зачислена в сандружину и под руководством Михаила Илларионовича Чикислова и медсестер обучалась оказанию раненым первой помощи. Но фронт очень быстро продвигался, и нам пришлось прекратить занятия.

Я поехала в Ленинград и нашла своих родных в школе на улице Некрасова. Перед эвакуацией многие коммунаровцы зарыли свои вещи в сараях на берегу реки. Многие думали, что дойна будет не дольше трех месяцев. В начале сентября 1941 года мать отправила меня из Ленинграда в Коммунар за швейной машинкой (чтобы поддержать семью в трудное время). Все вещи были сильно утрамбованы, и достать машинку не удалось, достала только старое пальто и подушку. В тот приезд я видела в Коммунаре двух солдат, больше никого не было, поселок был пуст. В это время фашисты занимали Гатчину, там стреляли, и все горело. Война — это очень страшно.

У меня был друг, которого я очень любила, очень ждала от него писем. Он уже был на фронте, и написать мне мог только в Коммунар. Но пришлось уехать из поселка. Также на фронте был мой дядя, муж моей тети. И со всеми потеряна связь. В конце августа было решено вывезти нас из Ленинграда. Нас погрузили в эшелоны, и на Московской товарной мы впервые столкнулись со страхом. Мы в вагонах жили недели две, 8 сентября фашисты бомбили Бадаевские склады, это совсем близко. Небо было черным. сначала от самолетов немецких, их было очень много, а потом небо заволокло дымом.

Летели бомбы, зажигалки. Мы, молодые девчонки, мальчишки, поднялись на крыши вагонов и сбрасывали зажигалки. Было очень страшно. Гремели зенитки, и в небе шел бой. были подняты наши самолеты, но их было мало. Нас некоторое время еще подержали на Московской товарной, а потом повезли. Мы думали, что уедем из Ленинграда. Но фашисты захватили станцию Мга. и путь был отрезан.

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА.

Нас привезли в поселок Лисий Нос на берегу Финского залива. Разместили на чужих летних дачах. На этих дачах мы пережили зиму, было голодно и холодно, была блокада. В Лисьем Носу очень много коммунаровцев умерло от голода. Помню такой случай. П.И. Лункин привез нам с фронта убитую лошадь. Дядя Саша Горин ее разрубил и поделил между коммунаровцами. Это, может быть, спасло не одну жизнь.

В нашем городе живет дочь Лункина П.И. Валентина Лункина. А Гориных не осталось никою, все умерли. В Лисьем Носу умер от голода самый дорогой мой человек — бабушка. Я все сделала, чтобы ее похоронить, она меня об этом просила. Мы выкупили за несколько дней хлеб по карточкам, заплатили за то, чтобы вырыли могилу. Зашили бабушку в простыню, завернули в одеяло. Мы с братом повезли ее на санках в Горскую на кладбище, а это был уже апрель, на дорогах не снег лежал, а грязь, везли с большим трудом. Когда привезли, мужчина дал мне и брату лопаты и сказал: «Копайте». Он один зарыть не мог, у него не было сил, да и все мы были дистрофики. И я плакала, мне очень дорога была бабушка. Тогда никто не плакал — не было сил, и к потерям привыкли. За неделю до смерти бабушки я вместе с другими гражданскими и солдатами была мобилизована на уборку поселка, и мы возили на полуторках покойников на кладбище в Горскую. Я приходила и рассказывала, как мы их складываем в штабеля. Это все было, и это правда. Моя тетя Мария и ее дочь Галя жили на каком-то шейном заводе в Ленинграде.

Перед смертью моей бабушки Мария пришла к нам в очень плохом состоянии, побыла день и ушла. Ее долго не было у нас, и мы волновались, гадали, что могло случиться. И я пошла из Лисьего Носа в Ленинград пешком, транспорт, как известно, не ходил никакой. А вдоль дороги с обеих сторон лежат покойники, и я подходила к каждому, искала свою тетю, но не нашла. Пришла на завод, но она и там не появлялась. Значит, умерла на дороге, но уже была увезена. И сестра моя двоюродная тоже умерла на заводе. А 8 апреля 1942 года нам было предложено выехать из Лисьего Носа. Предоставили нам машины и привезли в Осиповец, на Дорогу жизни. Уже работала эта дорога,

и норму хлеба уже прибавили в Ленинграде, мы очень не хотели уезжать. Коммунар еще был занят фашистами. Погрузили нас на машины и повезли, а Ладога уже вскрылась, мы не ехали, аплыли, вода доходила до бортов. Привезли нас в деревню Кабона, выгрузили. На улице кругом грязь, холод. Выдали нам по буханке хлеба и по куску копченой колбасы. Я до сих пор не могу понять, как можно было голодным людям дать такой набор продуктов. А утром, чуть рассвело, увидели много трупов. Кругом грязь по колено, проложены мостки, по которым можно ходить. Но ночью их не видно, и люди тонули в грязи. Воды питьевой нигде не найти. У всех поголовно расстройство желудка.

Из деревни Кабона мы перебрались на берег Ладоги, куда подавались вагоны для эвакуации. На берегу сидели люди, закутанные в одеяла, горели костры. Ждали вагоны днями. Нам повезло, в этот же день подали вагоны. Железнодорожная ветка была проложена по самому берегу озера. Вагоны брали штурмом, у кого еще были силы и кто был помоложе. У меня получилось, я до войны занималась легкой атлетикой. И мы уехали в битком набитом вагоне. Вагоны товарные, время военное, везли нас долго, и на каждой станции выносили покойников вместе с их вещами. Представить страшно, а это было, у людей у всех расстройство желудка, туалетов нет, всего и не рассказать. И поезд часто стоял где-нибудь в поле, пропускал военные эшелоны. Так вот, люди, пользуясь остановками, выскакивали из вагонов, и все, молодые и старые, мужчины и женщины, оправлялись рядом. Стеснения не было, была нужда. И когда нас привезли на Кубань, точнее, в станицу Староминскую, вагоны были почти пустые...

Опубликовано в газете «Комминфо» № 1 (850) 24 января 2019 г.